

Запись беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой

Прага

8 марта 1937 г.

Я начал разговор ссылкой на то, что в дипкорпусе усиленно разговаривают о секретных переговорах Чехословакии с Германией при посредстве какого-то Траутмансдорфа¹. Крофта прервал меня заявлением, что Ина уже говорил ему о разговоре со мною² и он охотно будет информировать меня о том, что есть верного в распространяемых слухах. Крофта начал довольно подробно с истории вопроса.

Когда Гитлер после занятия Рейнской области предложил всей Европе долгосрочные договоры о ненападении, чехословацкое правительство официально запрашивало в Берлине относится ли это предложение также и к Чехословакии, потому что речь Гитлера оставляла неясность в этом направлении. Германия ответила в положительном смысле. Через некоторое время Чехословакия поставила другой вопрос, а именно: считает ли Германия аннулированным, одновременно с аннулированием Локарнского договора, и арбитражный договор между Чехословакией и Германией³. Германия ответила, что считает этот договор действительным и на дальнейшее время.

По поводу этого арбитражного договора Крофта специально отметил, что он был подписан одновременно с Локарнским договором, потому что в те времена локарнские державы отклонили желание Чехословакии быть включенной прямо в локарнскую систему и откровенно толкали Чехословакию на самостоятельное урегулирование своих взаимоотношений с Германией. С определенной горечью и в тоне обиды Крофта говорил, что великие державы не хотели возиться с такой мелочью, как Чехословакия, и не болели ее интересами. В результате и был заключен упомянутый арбитражный договор, обязывающий стороны подвергать все возможные конфликты и споры между Германией и Чехословакией разбирательству третейского суда.

Поскольку Локарнский договор был порван, а всеобщее настроение ожидало заключения нового Локарно, возникла мысль о необходимости приспособить сохранивший силу арбитражный договор к требованиям момента. Другими словами, возникла мысль о превращении этого договора в договор о ненападении и нейтралитете, присоединенный к новому локарнскому договору. Крофта снова подчеркнул, что не было надежды на включение Чехословакии в число держав нового Локарно, и история старого Локарно и арбитражного договора побуждала Чехословакию искать именно такую форму участия в западноевропейском соглашении. Поскольку тем временем Восточный пакт в первоначальной форме⁴ явно провалился и от него остались лишь договоры о взаимной помощи СССР с Францией и Чехословакией⁵, было необходимо решить вопрос о соотношении между этими договорами и новым Локарно. Чехословакия (да и Франция) давала на этот вопрос абсолютный безоговорочный ответ: договоры о взаимной помощи с СССР сохраняются во что бы то ни стало, принцип коллективной безопасности нерушим.

Дальнейший зондаж, частично проводимый в Берлине посланником Мастны, не давал никаких результатов. С другой стороны, чем дальше,

тем яснее становилось, что Гитлер саботирует новое Локарно и такой договор едва ли состоится вообще. Тогда-то и возникла мысль о заключении договора о ненападении и нейтралитете как самостоятельного, вне зависимости от заключения нового локарнского соглашения. Мысль принадлежала Гитлеру и была выражена Траутмансдорфом, который является личным доверенным человеком Гитлера. Он говорил об этом с Мастны в Берлине, а затем приезжал и в Прагу, где якобы всего один раз был у Крофты. Неожиданно для меня Крофта сказал, что он в Праге был также у министра земледелия Задина (аграрий, весьма реакционного толка, но еще никогда не выступавший в вопросах международной политики).

Разговоры были только самого общего зондажного порядка, причем с чехословацкой стороны якобы с самого начала абсолютно твердо было заявлено, что кондицио сине ква нон* для каких бы то ни было переговоров являются два условия:

1. Должно быть ясно сказано, что новым договором с Германией ни в какой мере не затрагиваются и не отягчаются существующие договоры Чехословакии. Не затрагиваются и ее обязательства, вытекающие из Статута Лиги Наций. При этом якобы в первую очередь имелись в виду договоры Чехословакии с Францией, ее обязательства по Малой Антанте и договор о взаимной помощи с СССР. Крофта с большим ударением говорил, что слухи о германском требовании аннулировать при этом договор с СССР абсолютно не соответствуют действительности. Германия никогда, даже в зондажном порядке, не высказывала такого пожелания. Чехословакия же специально подчеркивала, что для нее договор с СССР просто неприкосновенен, и в ответ на эти подчеркивания с германской стороны было сказано, что она принимает к сведению существование этого договора и вытекающие из него обязанности Чехословакии. Крофта при этом попытался не уточнять вопроса, но из сказанного для меня было ясно, что Германия дала такой ответ потому, что Чехословакия подчеркивала зависимость своего договора с СССР от такого же договора Франции с СССР.

2. Другая непреременная предпосылка — специальная клаузула о взаимном невмешательстве во внутренние дела. Крофта пояснял, что Чехословакия не потерпит какого бы то ни было вмешательства в вопрос о своих взаимоотношениях с судетонемецким меньшинством. Он ссылался на свое последнее экспозе⁶ и особо остановился на новейших мероприятиях по расширению прав судетских немцев, принятых чехословацким правительством в результате переговоров и соглашения, проведенных Годжей с коалиционными немецкими партиями⁷. Несколько наивно Крофта** рассказывал, что здешний германский посланник Эйзенлор в благоприятном духе доложил об этих мероприятиях в Берлин и произвел хорошее впечатление на Гитлера. Это, дескать, только первый шаг на пути к урегулированию внутренних чешско-немецких взаимоотношений.

Подытоживая, Крофта подтверждал, что изложенным исчерпывается вопрос о зондаже вообще и в частности о роли в нем Траутмансдорфа. Никаких официальных предложений Чехословакия не делала и не получала. Изложенный этап закончился в конце января текущего года, и о дальнейшем еще ничего нельзя сказать. По словам Крофты,

* *Непреременное условие (лат.).*

** *В тексте ошибочно: «Годжа».*

не исключено, что Германия теперь тоже подведет известный итог и, может быть, вернется к вопросу уже с более определенными предложениями. Чехословакия до сих пор не ставила своих союзников в известность о зондаже именно потому, что он до сих пор не привел к сколько-нибудь конкретным формам разговоров. Крофта усердно заверял и напоминал мне, что он уже несколько раз говорил мне: если дойдет до сколько-нибудь конкретных разговоров, то он немедленно поставит о них в известность как Францию и Малую Антанту, так и СССР⁸. Крофта снова заверял, что для Чехословакии договор и взаимоотношения с СССР представляют такую громадную ценность, что Чехословакия не предпримет ничего, что могло бы повредить этим взаимоотношениям. Если будут переговоры, он мне скажет заблаговременно, и я буду иметь возможность высказаться по любому пункту.

На вопрос, что знает Крофта о том, как эта проблема воспринимается в Германии, Крофта рассказывал, что зондаж был по инициативе Гитлера, который был бы готов принять изложенные принципиальные требования Чехословакии. За осуществление такого договора о ненападении — Шахт⁹.

Здесь Крофта по собственной инициативе рассказывал, что только что заключенный в минувшем феврале торговый договор между Чехословакией и Германией прошел довольно легко именно потому, что Шахт энергично высказывается за всестороннее урегулирование взаимоотношений с Чехословакией. Переговоры о торговом договоре длились всего 12 дней, и германские делегаты по прямому указанию Шахта были весьма уступчивы, и заключенный договор, безусловно, выгоден Чехословакии. Ряд небольших уступок германская сторона сделала и в области нового соглашения по урегулированию железнодорожных вопросов, особенно в части управления общими линиями и станциями в пограничной полосе. Не знает Крофта, как в конечном счете отнесется к этому вопросу рейхсвер. Рейхсвер, дескать, еще мечтает о сотрудничестве с Советским Союзом и поэтому не выявляет своего отношения к договору с Чехословакией. Геринг тоже, видимо, колеблется, но похоже на то, что и он будет за. Геббельс долго не знал о зондаже, но, узнав, занял резко враждебную позицию. Крофта сам считал самым характерным во всем этом зондаже то обстоятельство, что Нейрат будто бы и до сих пор ничего не знает. При этом Крофта высказывал предположение, что Нейрат будет решительно против. В доказательство Крофта рассказал о том, как Нейрат при последнем посещении Вены заявил тамошнему чехословацкому посланнику по поводу мероприятия по урегулированию чешско-немецких взаимоотношений внутри Чехословакии, что это его никак не удовлетворяет и он на этом не успокоится. Крофта при этом возмущался наглостью Нейрата, разыгрывающего роль чуть ли не хозяина чехословацких немцев или даже самой Чехословакии.

Я сказал Крофте, что его рассказ произвел на меня удручающее впечатление. Я боюсь, что он вступил на путь весьма опасный для Чехословакии и для дела мира. Крофта перебил уверениями, что Чехословакия не проявляла инициативы, но вместе с этим она не могла брюскировать* такого могучего соседа, как Германия, и просто отказываться даже слушать, что хотела бы Германия для улучшения

* Подгонять (франц.).

добрососедских отношений. Крофта говорил, что это был бы нехороший метод не только для Чехословакии, но и для любого государства, любого соседа Германии. Еще больше, для Чехословакии нет другого выхода и на будущее, хотя это нисколько не означает, что переговоры должны непременно кончиться заключением договора. Дальше снова шли заверения, что Чехословакия не сделает ничего, что могло бы поставить хотя бы под малейшую угрозу уровень и характер нынешних взаимоотношений с СССР. Сегодня все в Чехословакии, вплоть до Крамаржа, сознают, что опора на СССР является для Чехословакии единственной реальной гарантией ее безопасности.

В этой связи Крофта рассказал, как на днях высказался начальник генштаба генерал Крейчи о Польше. Поднимался разговор абстрактного характера о возможности союза между Чехословакией и Польшей (этот абстрактный вопрос нашел свое конкретное выражение в последние дни в некоторых выступлениях правой печати за союз с Польшей, он же носит достаточно конкретные формы в ряде внешнеполитических построений премьера Годжи). Крофта утверждал, что Крейчи решительно заявил: он никогда не отдаст и большевистскую Россию за Польшу, «А я Вам говорю,— продолжал Крофта от себя,— мы не отдадим Советскую Россию и за Германию вместе с Польшей».

На это я сказал, что могу еще представить себе положение Чехословакии перед лицом германской инициативы, но уже никак не могу представить себе, чего ищет Гитлер и что он приобретает, если пойдет на такой договор с Чехословакией, каким его рисует Крофта. Принятие и соблюдение всего, что Крофта считает безоговорочным условием, было бы для Гитлера равносильно поражению его внешнеполитических устремлений.

Кроме неубедительных общих рассуждений Крофта как особую причину выдвинул утверждение, что Гитлер действительно и очень сильно боится того, что СССР подготавливает нападение на Германию и пользуется Чехословакией как плацдармом для подготовки такого флангового удара, который может оказаться для Германии исключительно опасным. Крофта уверял, что этот страх действительно существует. Отсюда упорность травли Чехословакии, отсюда вопли о советских аэродромах и офицерах, отсюда же факт оборонительных мероприятий вдоль чехословацкой границы.

Я ответил, что не верю этому и меня беспокоит то, что Крофта поддается этой германской лжи. Крофта знает, что у нас нет ни малейшего желания изолировать Германию, которой мы предлагали Восточный пакт. Если Германия действительно боялась бы нападения, а не готовила бы сама нападение на других, то она и сегодня могла бы вернуться к идее Восточного пакта. Во всяком случае, и сегодня для Германии открыта возможность присоединения к нашей системе договоров о взаимной помощи. Поскольку она этого не делает, боязнь нашего нападения нужно считать вымышленной причиной, дымовой завесой для подготовки нарушения мира. По моему мнению, Гитлер ищет другого. Он, несомненно, будет добиваться такого договора с Чехословакией, который был бы практическим подтверждением правильности тезиса Гитлера о жизненности предлагаемой им системы билатеральных договоров. Но тогда такой договор означал бы прямой и тяжелый удар по идее коллективной безопасности. Я еще понял бы Гитлера, если бы знал, что договор с Чехословакией означал бы для его внешней политики прорыв фронта коллективной безопасности и, следова-

тельно, прорыв фронта защитников мира. Очевидно, Гитлер к этому и стремится.

Крофта соглашался с тем, что такая тенденция у Гитлера существует. Крофта это учитывает, а потому еще раз заверяет, что Чехословакия не уступит в своих основных требованиях, а также будет консультироваться со своими союзниками, прежде чем примет какое-нибудь решение. При строгости соблюдения принципа ненарушения обязательств Чехословакии перед своими союзниками и Лигой Наций Крофта не видит опасности, на которую я указываю. Ведь существует же и сейчас арбитражный договор между Германией и Чехословакией. Договор о ненападении с указанными Крофтой оговорками будет носить характер расширения нынешнего арбитражного договора. Это означает, что в случае какой-нибудь агрессии со стороны Германии в действие придет прежде всего Статут Лиги Наций, и Чехословакия будет поступать, руководясь этим Статутом, а не договором с Германией, если бы эти два начала пришли в конфликт между собой. Если Германия нападет на кого-нибудь из союзников Чехословакии, то последняя тоже будет руководствоваться союзными договорами, а не договором с Германией. В этой связи я спросил, предвидится ли в договоре о ненападении оговорка, делающая пакт недействительным в случае агрессии против какого бы то ни было третьего государства. Крофта ответил, что так далеко разговоры не зашли. У него нет никаких официальных предложений, по которым можно было бы судить, что нужно добавлять или исключать. Рассуждая теоретически, Крофта не видел бы нужды в такой особой оговорке. Из предыдущего уже ясно, что в случае германской агрессии Чехословакия будет руководствоваться союзными договорами и Уставом Лиги Наций, а этим исчерпывается вопрос о месте Чехословакии в рядах защитников мира. Дальше я спросил, думает ли Крофта использовать какое-нибудь и какое именно определение агрессора. Крофта повторил, что так далеко дело не зашло, но, если будут переговоры, он, несомненно, будет стремиться к самому точному определению всех понятий, а в том числе и агрессора.

Разговор закончился новыми уверениями о громадном значении для Чехословакии договора и нынешних взаимоотношений с СССР. Крофта высказал понимание трудности моего положения как посредника между нашими правительствами, сделал мне несколько комплиментов и убедительно просил верить ему, сохранять спокойствие и в этом духе информировать мое правительство. Он просил передать наркому Литвинову эту свою просьбу верить ему и сохранять спокойствие и в том случае, если речь пойдет о большем, чем зондаж. В данный момент нет даже и зондажа, но если Германия вернется к вопросу в более конкретных формах, то Крофта своевременно поставит нас об этом в известность.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

*Публикуется по сб.: «Документы
внешней политики СССР», т. XX,
с. 110—116.*

¹ См. прим. 1 к док. 171; прим. 3 к док. 175; прим. 4 к док. 200, а также: «Документы внешней политики СССР», т. XX, с. 62—65, 119—120, 234—235.

² Упоминаемая беседа С. С. Александровского с начальником канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Я. Иной состоялась 5 марта 1937 г. Как отмечал

Александровский в записи беседы, он спросил Ину, «считает ли он благополучно окончившимися и переговоры с Траутмансдорфом, о чем так много говорят в дипкорпусе. Ина был поражен и рефлекторно отозвался восклицанием: «Не может быть, чтобы об этом говорили в дипкорпусе!» После этого отступить ему не было возможности, и он стал рассказывать, одновременно расспрашивая меня, что же именно говорят в дипкорпусе». Как указывается в записи, то, что при этом сообщил Ина, было «повторено Крофтой в более точной и широкой форме» в его беседе с Александровским. В свою очередь полпред СССР в Германии Я. З. Суриц в телеграмме в НКВД СССР от 9 марта 1937 г. о беседе с посланником Чехословакии в Германии В. Мاستны сообщал: «Посланник признал, что между Чехословакией и Германией ведутся переговоры в «неофициальном» порядке. В детали он меня не посвятил, указав, что он связан служебной тайной» («Документы внешней политики СССР», т. XX, с. 708).

³ См.: «Локарнская конференция 1925 г. Документы». М., 1959, с. 496—497.

⁴ См. прим. 3 к док. 3, а также: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 480.

⁵ См. док. 65, а также прим. 1 к док. 59.

⁶ См.: «Известия», 1937, 5 марта.

⁷ Имеется в виду соглашение чехословацкого правительства с немецкими партиями, входящими в правительственную коалицию, от 18 февраля 1937 г., согласно которому немецкому населению обещалось предоставление национального равноправия. Судетонемецкая партия официально отвергла это соглашение и противопоставила ему собственный шовинистический проект автономии пограничных областей.

⁸ Это утверждение Крофты не соответствовало действительности. Выработанный в результате переговоров Э. Бенеша с германскими эмиссарами Гаусгофером и Траутмансдорфом в декабре 1936 г. проект чехословацко-германского договора (см. прим. 3 к док. 175) был сразу же отправлен в Берлин, а также французскому правительству. СССР не был даже поставлен об этом в известность.

⁹ Шахт Я. (1877—1970) — немецкий банкир и политический деятель, военный преступник, в 1933—1939 гг. президент Рейхсбанка, в 1934—1937 гг. министр экономики фашистской Германии.

202

Сообщение газеты «Чорноморська комуна» о беседе чехословацкого врача М. Недведа¹ с ее корреспондентом

Одесса

17 марта 1937 г.

В Одессу приехал врач медицинской клиники Пражского университета д-р Недвед, секретарь медицинской секции чехословацкого Общества культурных и экономических связей с Советским Союзом. Доктор Недвед получил разрешение на специальную научную командировку от Министерства просвещения Чехословакии и приехал в Советский Союз с тем, чтобы ознакомиться с работой его научных медицинских учреждений. Д-р Недвед приехал в Одессу на три дня для специального ознакомления с работой Одесского института питания.

В беседе с корреспондентом газеты «Черноморская коммуна» д-р Недвед сказал:

«За полтора года, прошедшие со дня моей первой поездки в Советский Союз, медицинская наука в СССР сделала огромный скачок вперед. Этим объясняется такой большой интерес чехословацких медиков к Советскому Союзу. Он объясняется и тем, что развитие советской медицины проходит на новой методологической основе.

Взять, к примеру, советские научные исследования в области питания, которые особенно меня интересуют.

Здесь поражает всестороннее изучение разрабатываемых вопросов и самая тесная связь теоретической работы с клинической. И что особенно важно — все достижения науки применяются сразу же с целью улучшения питания населения.